

чено здѣсь послѣднее ваше доношеніе отъ 20-го ноября, изъ котораго съ особливою пріятностію усмотрѣно, что в. пр-ство руководствуясь собственнымъ своимъ проицаніемъ, исполнили уже отчасти то, что вамъ онымъ рескриптомъ предписано было, взявъ благоразумно сами собою поводъ изъ полученныхъ между тѣмъ отъ посла кн. Репнина писемъ сдѣлать Портѣ сколь полезное, столь и основательное изъясненіе о прямыхъ нашихъ въ разсужденіи республики польской мысляхъ и поступкахъ вопреки тѣмъ ненавистнымъ внушеніямъ, кои ей по сию пору отъ недоброжелателей нашихъ толь щедрою рукою подпускаемы были.

Ваше пр-ство получа скоро по отправленіи того доношенія выше-помянутый рескриптъ подъ № 12-мъ, могли уже изъ оного натурально напередъ увѣриться о высочайшей ея имп. в-ства апробаціи въ учиненномъ вами у Порты толь кстати и ко времени поступкѣ, что я однако по точной волѣ всемилостивѣйшей государыни и здѣсь повторяя, поздравляю притомъ самъ себя имѣть дѣло съ министромъ толь прозорливымъ и толь попечительнымъ о пользѣ отечества.

Несумнѣнно надѣюсь я теперь, что какъ первое вашего пр-ства турецкому министерству изъясненіе по письмамъ кн. Николая Васильевича, такъ и послѣдующія по здѣшнимъ отъ времени до времени насланнымъ повелѣніямъ достаточны будутъ охранить Порту по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время отъ всякихъ противу насъ и дѣлъ нашихъ въ Польшѣ безпокойныхъ мыслей и пустыхъ тревогъ, въ кои заводитъ ее конечно ни труда, ни изживенія пощажено не будетъ; почему, для приведенія васъ въ такое состояніе, чтобъ вы сіе искусствомъ вашимъ положенное доброе начало сколько можно болѣе возвращать и по обстоятельствамъ въ вѣщую пользу обращать могли, почитаю я за нужно въ прибавокъ ко всему прежде вамъ отсюда сообщенному, объяснить вамъ подробнѣе все происшествіе диссиденскаго дѣла на бывшемъ въ Варшавѣ сеймѣ, худой онаго оборотъ, разныя польскаго двора дальновидныя замашки, разрывъ узла генеральной конфедераціи, которая къ произведенію тѣхъ замашекъ орудіемъ служить опредѣлена была, а напослѣдокъ—настоящее критическое положеніе дѣлъ въ Польшѣ съ принятыми отъ ея имп. в-ства мѣрами вынужденной крайности.

Не мѣсто здѣсь вступать въ раздробленіе и доказательство тѣхъ правъ и преимуществъ, коихъ возвращенія требуютъ нынѣ диссиденты, ибо какъ съ одной стороны оныя по фундаментальнымъ законамъ республики польской внѣ всякаго сумнѣнія, такъ съ другой и въ слѣдующихъ ниже сего приложеніяхъ достаточно изъяснены. Нѣтъ также

нужды описывать здѣсь и тѣ права, кои Россія, король прусскій и другіе протестантскіе дворы имѣютъ вступаться за диссидентовъ, потому что тѣ же самыя приложенія и на сей пунктъ, равно какъ и на первый, неоспоримыми доводами служатъ; итакъ надобно только упомянуть, что ея имп. в-ство подвигнувшись челоѡколюбіемъ, изволила прежде всего возъимѣть сношеніе съ королемъ польскимъ о показаніи диссидентамъ справедливаго въ требованіяхъ ихъ удовлетворенія, несумнѣнно почти ожидая, что сей государь какъ изъ благодарности за толь многія къ нему съ стороны ея в-ства благодѣянія, такъ и въ разсужденіи собственнаго благосостоянія отечества его не отречется содѣйствовать всѣми своими силами столь челоѡколюбивому дѣлу; но вмѣсто того, и не взирая на учиненныя о томъ съ начала сильныя обнадеживанія, скоро и до отверзтія еще послѣдняго сейма принуждены мы были удостовѣриться, что польскій дворъ заразился фанатизмомъ черни, а болѣе химерическими замыслами перемѣнить самую польскаго правленія форму, не токмо отнюдь намѣренъ не былъ способствовать возстановленію диссидентовъ, но паче еще и всѣ свои мѣры и подвиги въ то одно устремлялъ, чтобъ сюрпренируя нашу добрую вѣру и другихъ сосѣдей, нанести первому польской вольности основанію, то есть вольному голосу каждаго на сеймѣ посла смертельный и ничѣмъ ужь послѣ не отвращаемый ударъ узаконеніемъ единожды на всегда большинства голосовъ по дѣламъ умноженія войскъ и накладки новыхъ податей.

По такомъ усмотрѣніи, нашлись мы въ необходимости распорядить мѣры наши по первому пункту, то есть въ пользу диссидентовъ, такимъ образомъ, чтобъ оныя для придачи имъ бѡльшей важности подкрѣплены были и отъ всѣхъ протестантскихъ дворовъ, кои по однозаконію и по древнимъ своимъ обязательствамъ явно обязаны интересоваться въ пользу диссидентовъ и чтобъ опять общіе ихъ и наши въ томъ подвиги какъ можно съ бѡльшимъ торжествомъ на сеймѣ учинены были, дабы тѣмъ самымъ дворъ и республику польскую привести къ бѡльшему оныхъ уваженію.

Въ семъ то именно видѣ, какъ уже и в-му пр-ству не можетъ быть безъизвѣстно, велѣно было послу кн. Репнину взять у короля въ собраніи всего сейма публичную аудіенцію и подать на оной слѣдующую здѣсь въ копіи декларацію, которая другою точно въ тѣхъ же словахъ и на такой же аудіенціи препровождена была и отъ прусскаго министра именемъ его государя, за которымъ слѣдовали еще дворы англійскій, шведскій и датскій согласными деклараціями.

Хотя изъ сего поступка и содержанія нашей деклараціи король и сеймъ могли справедливо заключать, что мы не отступимся отъ нашего толь торжественнаго требованія, однакожъ все сіе и предвидимыя изъ отказа для Польши бѣдствія были добровольно добровольному ослѣпленію жертвованы, и въ разсужденіи диссидентовъ, съ явнымъ пренебреженіемъ достоинства здѣшняго и всѣхъ протестантскихъ дворовъ, не только никакого поправленія не сдѣлано, но паче состояніе ихъ подтвержденіемъ всѣхъ противу ихъ сколь строгихъ, столь несправедливыхъ конституцій вновь обременено, и то еще не обыкновеннымъ въ законѣ порядкомъ, а только приговоромъ однихъ епископовъ, кои сами по себѣ никакой законодательной власти не имѣютъ и имѣть не могутъ, подобно какъ бы господа поляки съ отказомъ еще и насмѣшку соединять хотѣли.

Но чѣмъ больше въ толь праведномъ дѣлѣ, каково есть диссидентское, показано съ стороны варшавскаго двора непристойнаго упорства, тѣмъ ревностиѣе напротивъ того помышлялъ онъ и стремился всѣми силами къ произведенію властолюбивыхъ своихъ видовъ, кои клонились не меньше, какъ къ совершенному вольности польской поработченію вышесказаннымъ узаконеніемъ большинства голосовъ по дѣламъ новыхъ податей и прибавки войскъ.

Тутъ существительный отечества нашего интересъ требовалъ противустать симъ опаснымъ новостямъ, противу которыхъ и не оставилъ потому посолъ кн. Репнинъ обще съ министромъ его прусскаго величества сдѣлать формальныхъ самому сейму представленій, кои при содѣйствованіи здравой части земскихъ пословъ, а особливо образумившихся стариковъ кн. Чарторижскихъ, воеводы русскаго и канцлера литовскаго, столько напоследокъ предупѣли, что вдругъ разрушены и всѣ проски королевской партіи, и главное или, лучше сказать, единственное ея орудіе, — узлъ генеральной конфедераціи, которая повидимому и служила его польскому величеству, братьямъ его и общимъ ихъ наперсникамъ поползновеніемъ къ толь невмѣстнымъ и для всѣхъ сосѣдей равно предосудительнымъ замашкамъ.

Изъ всего сего описанія можете в. п-ство сдѣлать сами натуральное заключеніе: 1) что мы теперь съ польскимъ дворомъ находимся въ немалой остудѣ; 2) что съ отпращиванія къ вамъ рескрипта подъ № 12-мъ кн. Чарторижскіе перемѣнили нѣсколько свое поведеніе, и хотя безспорно, что содѣйствованіе ихъ, много силы и важности придавъ представленіямъ кн. Николая Васильевича, рѣшило въ самомъ дѣлѣ успѣхъ оныхъ, и что по сей причинѣ они разсорясь съ королемъ племян-

никомъ своимъ, начали съ того времени ласкаться по прежнему къ нашей сторонѣ, но я не могу еще вамъ съ точностію сказать, можемъ ли мы на нихъ считать въ производствѣ плана нашего по диссидентскому дѣлу. Время, да и то уже краткое, долженствуетъ рѣшить сію задачу, ибо изъ приложенной при семъ копіи съ письма моего къ нимъ усмотрите вы, государь мой, что я по высочайшему ея имп. в-ства повелѣнію требовалъ отъ нихъ яснаго и точнаго объясненія о будущемъ ихъ съ нами поведеніи, оставляя имъ на волю выборъ между руководствомъ дѣлъ нашихъ и между погруженіемъ отечества своего, а съ нимъ и самихъ себя въ очевидныя напасти. Чрезъ нѣсколько недѣль буду я въ состояніи увѣдомить ваше п-ство о выборѣ ихъ, съ которыми тогда и ваши объ нихъ отзывы согласовать надобно будетъ.

3) Что высочайшее ея имп. в-ства достоинство неотмѣнно пребудетъ по учиненіи толь многихъ и торжественныхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ подвиговъ въ пользу диссидентовъ,—не оставлять ихъ въ настоящемъ утѣсненіи, но паче употребить всѣ и самые крайніе способы къ освобожденію ихъ отъ онаго.

Къ сему прибавляю я для единственнаго вашего до времени свѣдѣнія, какъ и все вышеписанное прошу въ томъ же разумѣ принять, что теперь положено уже здѣсь на мѣрѣ составить къ концу февраля мѣсяца диссидентскую конфедерацію, подкрѣпить оную достаточнымъ числомъ войскъ въ то же самое время въ польскія границы съ разныхъ сторонъ вступающихъ и принуждать оными поляковъ къ собранію чрезвычайнаго сейма для примиренія междоусобнаго въ республикѣ нестроенія и приведенія формы ея правительства въ неподвижное законоположеніе. Въ слѣдующей здѣсь дедукціи, которая у насъ скоро въ печать издана будетъ, найдете в. п-ство вышеупомянутое объясненіе о правостяхъ диссидентовъ и о правахъ единовѣрныхъ съ ними державъ къ защитѣ и подкрѣпленію ихъ. Сіе сочиненіе можетъ вамъ къ случаю и ко времени служить какъ къ достаточному оправданію нашихъ въ Польшѣ будущихъ подвиговъ, такъ и къ испроверженію аргументовъ противниковъ нашихъ; чего ради за нужно нахожу я przeprowadить еще оное другою съ стороны польскаго двора вопреки диссидентамъ выданною дедукціею съ нашими на нее ремарками.

По семъ долгомъ, но тѣмъ не меньше нужномъ предисловіи остается мнѣ, приступая къ дѣлу собственно до васъ принадлежащему, объяснить существо его, и сколько здѣсь за полезно признается, чтобъ ваше пр-ство благовременно старались привести Порту Оттоманскую на полезныя о мѣрахъ нашихъ мысли, внушая ей для того тѣмъ обра-

зомъ, какъ вы сами по лучшему вашему на мѣстѣ свѣдѣнію опредѣлить изволите, что ея имп. в-ство воспротивясь нынѣ въ Польшѣ толь явно и сильно разнымъ отъ тамошняго двора въ предосужденіе фундаментальныхъ законовъ и вольности Рѣчи Посполитой купно же и общаго всѣхъ ея сосѣдей интереса затѣянными новостямъ, какъ на примѣръ установленію большинства голосовъ въ накладѣ новыхъ податей и въ умноженіи войскъ, изволила тѣмъ самымъ подать свѣту очевидный и никакому уже превратному толкованію не подверженный опытъ, что ея в-ство приѣмля въ польскихъ дѣлахъ по праву толь важнаго сосѣдства и по точнымъ короны своей обязательствамъ толь великое участіе, не имѣетъ въ ономъ другаго предмета, какъ только пещись о истинномъ благѣ республики и сохранять въ цѣлости ненарушимой нынѣшнюю ея конституцію, которая для всѣхъ сосѣдей столь полезна и нужна; что ея в-ство по такомъ удостовѣрительномъ опытѣ имѣетъ причину ожидать отъ просвѣщенія Порты, что она непорочности ея видовъ полную справедливость отдавая будетъ впродѣ знать, какъ цѣнить чинимыя ей отъ ненавистниковъ нашихъ ложныя и зlostныя объ оныхъ внушенія; что такимъ образомъ ея имп. в-ство, удостовѣрясь о полной съ стороны его султанова в-ства справедливости, совершивъ теперь настоящее время ко взаимной и равной обѣихъ имперій пользѣ одно важное и вольность голосовъ въ Польшѣ ограждающее дѣло, находитъ себя какъ по человеколюбію, такъ и по вышеупомянутымъ короны своей формальнымъ обязательствамъ принужденною вступить въ другое, не меньше цѣлостъ, благосостояніе и внутреннюю тишину республики трогающее дѣло, то есть диссидентское, въ которомъ она и всѣ протестантскіе дворы по однозаконію съ диссидентами истощили втунѣ на послѣднемъ сеймѣ всѣ дружескіе представленія и способы; ибо вмѣсто справедливаго сей части гражданъ удовлетворенія, польскій дворъ употребя орудіемъ однихъ епископовъ католичкаго закона, сдѣлалъ будущее ихъ состояніе еще хуже прежняго; что диссиденты лишась послѣдней надежды и видя состояніе свое не только изъ равенства и общихъ всѣмъ гражданамъ преимуществъ въ конецъ исключеннымъ, но и до такой уже крайности доведеннымъ, что имъ обѣщается только безопасность персонъ и собственнаго имѣнія, съ которою и безъ того родится всякій въ обществѣ челоѣкъ, приведены чрезъ новое католичкихъ епископовъ насильственное опредѣленіе въ горестную необходимость соединиться между собою для вынужденной обороны своей дозволеннымъ въ законахъ польскихъ крайнимъ способомъ, то есть конфедераціею; что они въ сей крайности